

ресных данных о Толстом. Так, 15 сентября 1902 г., еще находясь в Ясной Поляне, Бутурлин писал:

«Вечером (14 сентября)... Лев Николаевич прочел вслух один из рассказов Чехова: «Душенька». Рассказ этот очень нравится Льву Николаевичу. Читая его, Лев Николаевич несколько раз принимался хохотать до слез, заражая своим смехом всех присутствующих. Вообще Лев Николаевич очень ценит талант Чехова: по его мнению, в современной русской литературе нет никого выше Чехова. Горького он считает значительно ниже Чехова, хотя говорит, что как человек Горький ему очень симпатичен и что он ему гораздо ближе, чем Чехов. Чехов очень замкнут и сдержан, а потому как-то чужд. Горький же гораздо ближе. Но литературный талант Горького Лев Николаевич ценит не высоко. Про «Супругов Орловых» он говорит, что начало очень хорошо, а конец — искусственен. «Фому Гордеева» он считает плохим произведением, «Мещане», по его мнению, также не важны...»

Продолжая это же письмо по возвращении в Москву, 17 сентября Бутурлин писал:

«Говоря о Чехове, я забыл упомянуть об очень любопытном отзыве Льва Николаевича о «Мужиках» Чехова. Лев Николаевич ими недоволен. «Из 120 миллионов русских мужиков, — сказал Лев Николаевич, — Чехов взял одни только темные черты. Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать...» В другом письме, от 6 июня 1904 г., вспоминая свое посещение Ясной Поляны в феврале этого года, Бутурлин передает следующие слова Толстого по поводу главы о Николае I в повести «Хаджи Мурат»: «Он [Толстой] прибавил, что «Хаджи Мурат» он, собственно говоря, совершенно окончил, за исключением только одного эпизода,

именно эпизода о Николае Павловиче. Этим эпизодом он недоволен и говорит, что его необходимо переделать. По его мнению эпизод этот слишком «одноцветен», слишком груб, слишком резок, нехудожествен. Говоря о Николае Павловиче, Л. Н. сказал: «Я его не вижу, психологии его не вижу»... Представляет большой интерес и высказанное А. С. Бутурлиным, хорошо знавшим семейные условия жизни Толстого, в письме от 30 октября 1911 г. мнение о причинах ухода Толстого из Ясной Поляны:

«...Из всего того, что в течение года появилось в газетах, вы вероятно несколько более уяснили себе семейные отношения Льва Николаевича, чем то могло быть ясным для Вас год тому назад, в конце ноября 1910 г. Вы теперь, вероятно, уже не удивляетесь тому, что в завещании обойдена жена. Кое-что мог бы я рассказать вам об этом, но на письме это было бы и долго, и неудобно. Скажу только, что Лев Николаевич, этот величайший человек нашего времени, был в то же время и несчастнейшим человеком. Надо, впрочем, сказать, что если те совершенно невыносимые обстоятельства, которые окружали Льва Николаевича в последнее время его жизни, и послужили ближайшей причиной его ухода из Ясной Поляны, то все же было бы ошибочно видеть в них главную причину этого ухода. Главная же причина заключается все-таки в том, что он не мирился с теми условиями барской жизни, в которых он жил в Ясной Поляне и от которых он давно стремился освободиться. Более чем за год до его ухода, в бытность мою в Ясной Поляне, Лев Николаевич говорил мне: «Мне эти условия (т. е. условия барской жизни) так тяжелы, что я серьезно говорю, что я хочу уйти...»

Н. Гусев

ОБ УЧЕТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ АРХИВАХ

Вопрос об учете историко-литературных материалов, хранящихся в наших периферийных архивах, попрежнему является самым большим местом архивно-литературоведческой работы.

Наши знания литературных документов, хранящихся в местных архивах, продолжают оставаться совершенно случайными. Мы не располагаем даже самым приблизительным учетом этих материалов.

На практике такое положение вещей ярче всего характеризуется фактом почти полного отсутствия в литературе использования и публикаций местных материалов. Все наше документальное литерату-

рование до сих пор существует почти исключительно за счет эксплуатации литературно-исторических ценностей, сосредоточенных в немногих крупнейших архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Но центральные архивы при всем богатстве своих собраний далеко не могут удовлетворить ряда существеннейших требований, к ним предъявляемых. С особой наглядностью это сказывается, естественно, в области подготовки изданий полных собраний сочинений русских классиков и их научных биографий. Усилия отдельных исследователей и даже целых научных коллективов, направленные к возможно более полному учету

для таких работ всего литературно-документального наследия того или иного писателя, оказываются ничтожными по своей эффективности, коль скоро место архивных поисков переносится из центра на периферию. Здесь затрудняет, препятствует работе все. Исключительная (территориальная и организационная) децентрализованность мелких архивов, музеев, библиотек с номинальным подчинением их, однако, ряду посредствующих, выше стоящих звеньев громоздкого архивно-музейно-библиотечного аппарата, чрезвычайно осложняет даже самый доступ исследователя в местные архивы. Поиски нужных документов приходится вести «вслепую». Какие-либо справочники по архивным материалам или путеводители по архивам отсутствуют*. Нет сплэш и рядом и каталогизации фондов (не говоря уже о документах) в пределах каждого из местных архивов. Работники последних часто сами не знают, что у них хранится. При таких условиях работа исследователя, решившего заняться самостоятельными разысканиями, превращается в своего рода поиски литературного «клада», в дело удачи, случая. Сами же архивы никакой работы по сколько-нибудь широкому и планомерному тематическому выявлению историко-литературных материалов не ведут. Это дело находится здесь в полной зависимости от случайного наличия среди сотрудников архива работника с литературными интересами, вынужденного к тому же вести свою работу на свой «страх и риск», без всяких перспектив и плановой организованности. К этому следует добавить, что помещения большинства периферийных архивов почти исключают возможность ведения в них какой-либо научной обработки документов. Архивы занимают, как правило, неотапливаемые помещения церквей или подвалы бывших губернских учреждений. Архивные материалы набиты здесь сплошной массой с пола до потолка, что делает подчас недоступным даже внешнее ознакомление с ними.

Сказанное достаточно разъясняет причины большого неблагополучия в области учета и разработки местных литературных материалов. За последние годы делается, правда, ряд общих и специальных усилий, направленных к устройству этого отстающего участка архивной работы. Мы имеем в виду некоторые достижения нашего архивного дела вообще, неизбежно сказывающиеся и на ли-

тературоведческом секторе архивной работы, и, особенно, деятельность московского Государственного Литературного Музея, успешно осуществляющего дело собирания и концентрации литературных материалов. Следует, однако, подчеркнуть, что на данном этапе своей работы Литературный Музей вполне закономерно обязан уделять свое основное внимание делу собирания материалов, разбросанных по частным собраниям, и меньше заниматься организационной работой по концентрации литературных фондов, находящихся уже в государственном хранении. Огромная же по своему объему работа по тематическому выявлению историко-литературных документов в местных архивах по сути дела еще не начата.

Считая эту работу — в полном объеме она может и должна быть возглавлена Литературным Музеем — частью своей общесоюзной работы, редакция «Литературного Наследства» предприняла определенные шаги в этом направлении*. Ею начато систематическое обследование фондов периферийных архивов и музеев по определенной программе. Обследование, как правило, поручается самим работникам местных архивных учреждений или же осуществляется путем специальных командировок сотрудников журнала.

Ниже сообщаются первые, еще очень скромные, результаты начатой работы.

Публикуемая информация, охватывающая архивы и некоторые частные собрания 44-х городов, составлена на основе тех ответов, которые редакция получила на свое обращение. Ответы эти очень разношерстны и пестры, что неизбежно сказалось на печатаемой «хронике». На ряду с обстоятельным учетом и описанием здесь фигурирует иногда простая информация самого общего характера, нуждающаяся в дальнейших уточнениях. Большим дефектом «хроники» является также отсутствие указаний на изданность или неизданность регистрируемых документов. Это объясняется тем обстоятельством, что почти ни один из местных архивов не имеет формуляров использования своих архивных фондов. Частично редакция восполнила этот пробел путем организации библиографического учета историко-литературных публикаций, появившихся в местной прессе за 1934—1935 гг. (эта работа произведена Г. А. Смордяниновым). Несмотря на произведенную проверку материалов, редакция, естественно, не может взять на себя полную ответст-

* Их не имеют, кстати сказать, и наши крупнейшие центральные архивы (за исключением ЛОУЦИА). Не пора ли по-серьезному подумать об организации этого необходимейшего участка научно-справочной литературы.

* Этому предшествовала работа по тематическому выявлению в периферийных архивах материалов по Салтыкову-Щедрину. См. описание этих материалов во 2-м полутоме «Щедринского тома» «Литературного Наследства».

венность за совершенную точность всех сообщаемых в «хронике» данных. Слабая археографическая подготовленность ряда местных работников, приводившая иногда к «сенсационным открытиям» документов, оказывавшихся на проверке не оригиналами, а копиями, списками, даже факсимильными воспроизведениями давно известных рукописей, не может гарантировать «хронику» от отдельных ошибок.

Начиная с настоящей книги, редакция будет систематически освещать деятельность местных архивно-музейных учреждений и публиковать результаты проводимой ими по заданиям журнала работы по выявлению и учету историко-литературных материалов. Такие информационные публикации (в дальнейшем они могут

и должны превратиться в публикации самих документов), не говоря уже об их научно-справочном значении, должны явиться одним из стимулов для более активного и серьезного участия периферийных архивов в деле ведущейся разработки ряда вопросов нашего литературоведения.

Отметим в заключение, что в хронику не включена довольно обширная группа материалов, представляющих автографы французских писателей и документы, относящиеся к М. Горькому. Эти материалы будут опубликованы или описаны в подготавливаемых редакцией двух тематических выпусках журнала — «Франко-русском» и «горьковском».

С. Макашин

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В МЕСТНЫХ АРХИВАХ

БЕЛЕВ (Московской области)

В Белевский музей местного края поступила часть архива Я. П. Полонского. Основную группу материалов архива образуют письма к Полонскому: Д. Аверкиева, В. Буренина, П. Вейнберга (шутливое письмо в стихах), В. Верещагина, В. Гаршина (письмо к жене Я. Полонского), Ап. Григорьева, Я. Грота, Г. Данилевского, Ф. Достоевского, А. Жемчужникова (шутливое письмо в стихах), К. Кавелина, А. Кони, худ. Н. Крамского, Н. Лескова, А. Лугового (А. А. Тихонова), Ап. Майкова, (письмо к жене поэта), Д. Мережковского, худ. Микешина, Ор. Миллера, А. Островского, А. Плещеева, А. Потехина, Н. Сверчкова, Н. Страхова, Ал. К. Толстого, Л. Н. Толстого, Гл. Успенского, П. Чайковского и Н. Щербины. Здесь же имеются: письмо И. С. Тургенева — В. А. Панаеву («Любезнейший Валериан Александрович, заранее прошу...») 1868 г. и автографы трех стихотворений: самого Я. Полонского 1886 г. («Вот головня, — она еще горит...»), Д. Михайловского («Гимн природе») и Н. Хвостова («Нить жизни»).

Кроме рукописных материалов в музее имеется ценное иконографическое собрание, охватывающее представителей ближайшего культурно-бытового и родственного окружения семьи А. П. Елагиной — хозяйки знаменитого московского салона 30-х гг. Коллекция поступила в музей после революции из известного (по его связи с именем В. Жуковского) имения «Уткино», принадлежавшего ближайшим родственникам Елагиных — семейству Беэр. Приводим перечень портретов, большинство которых сделано маслом на холсте местными (крепостными?) художниками (в скобках указывается инвентарный номер

и техника портрета): А. П. Елагина (718, акварель раб. Горбунова), И. В. Киреевский (730, фото), П. В. Киреевский (731, ф.), И. С. Аксаков (732, ф.), кн. В. Ф. Одоевский (733, акв.), Максимович (734, ф.), А. А. Протасова (740, м. х.), П. Н. Юшков (741, м. х.), Е. А. Воейкова (742, м. х.), А. Д. Беэр (743, пастель), А. С. Хомяков (744, м. д.), Е. В. Зонтаг (748, м. х.), П. В. Киреевский (746, м. х.), А. П. Елагиной (747, м. х.), А. П. Зонтаг (748, м. х.), М. Н. Свечникова (749, пастель), Н. А. Вельяминова (750, паст.), А. И. Давыдова (751, м. х.), А. Г. Безобразов (752, м. х.), А. И. Бунины (753, м. х.), М. Г. Бунина (754, м. х.), А. А. Альмова (755, м. х.), Е. А. Протасова (756, м. х.), В. А. Жуковский (757, м. х.), А. А. Елагин (761, дагерротип), Елагин (762, дагерротип), А. Д. Беэр (771, акв.), А. Д. Беэр (772, ф.), П. Бартенев (773, ф.), П. Языков (774, кар., рис. раб. Хрипкова), кн. Хилков (776, ф.), С. Т. Аксаков (777, ф.), Е. И. Елагина (778, ф.), М. А. Бакунин (780, ф.) и А. С. Пушкин (781, лит.). Что касается до хранившегося в Белевской городской библиотеке обширного (несколько тысяч листов) «Елагинского архива», то он в 1932 г. по инициативе редакции «Литературного Наследства» был перевезен в Москву и хранится ныне в Рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки СССР им. Ленина (см. заметку «Елагинский архив в Москве», в № 3 «Лит. Насл.», стр. 346—347).

БОРОВСК (Московской области)

Архив и библиотека районного краеведческого музея Боровского края содержат документы и литературу главным образом исторического и историко-религиозного характера. Все фонды поступили в музей